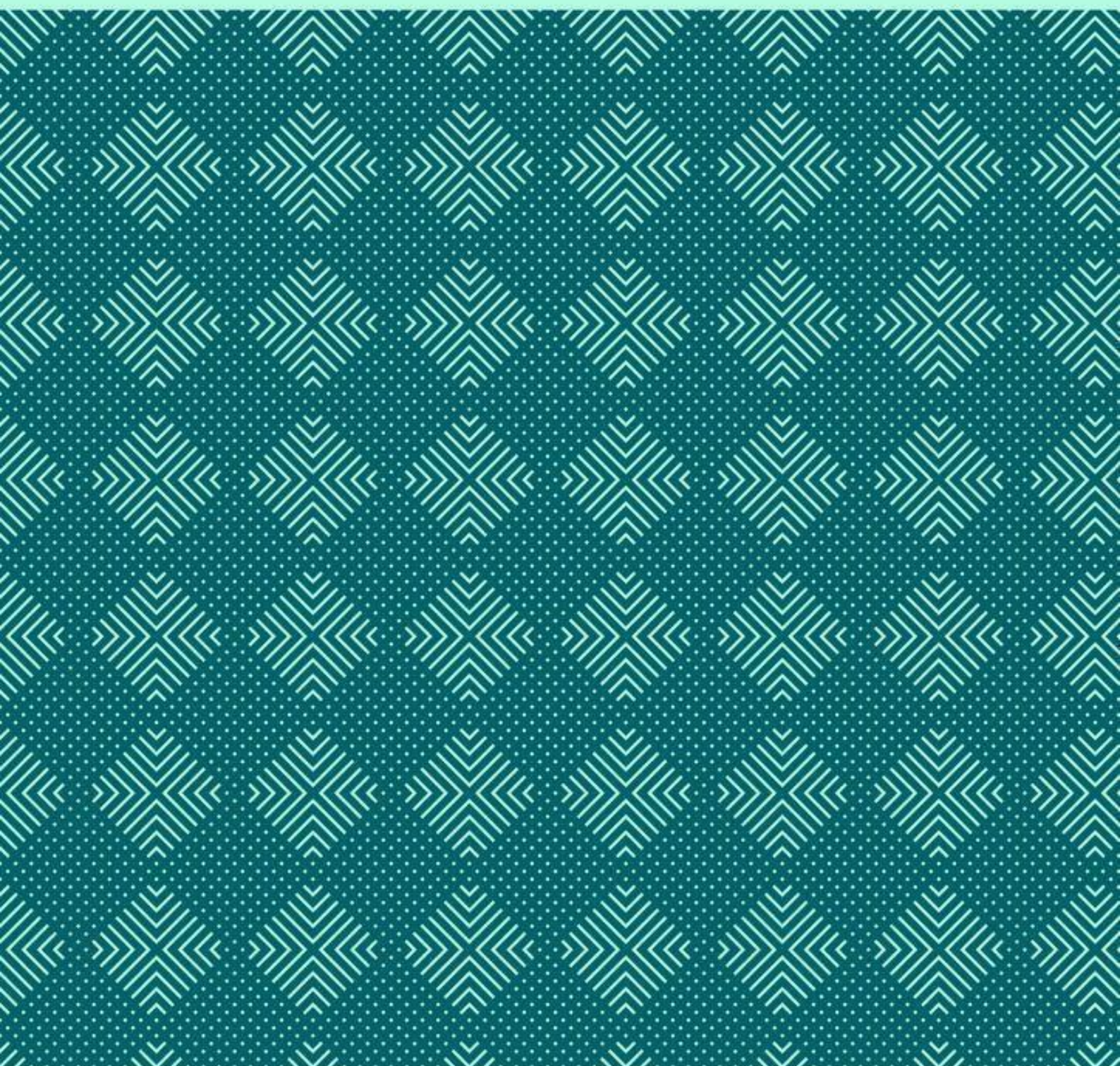

12+

Руслан Сергеевич Нерсисян

Смысл как власть

Руслан Нерсесян

Смысл как власть

«Издательские решения»

Нерсисян Р. С.

Смысл как власть / Р. С. Нерсисян — «Издательские решения»,

Книга «Смысл как власть» предлагает ответ на главный вопрос XXI века: «ради чего?». Автор диагностирует состояние современного мира как прескриптивный вакуум — сохранение процедурной эффективности при полной утрате смыслового основания. Этот вакуум не остается пустым: он заполняется суррогатами — образом врага, архаикой, потребительством и фетишем стабильности.

© Нерсисян Р. С.

© Издательские решения

Содержание

«СМЫСЛ КАК ВЛАСТЬ»	6
АННОТАЦИЯ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Каждая эпоха задаёт свой вопрос	9
ОГЛАВЛЕНИЕ	11
Предисловие. О статусе прескриптологии	12
ЧАСТЬ I. ДИАГНОЗ: ПРЕСКРИПТИВНЫЙ ВАКУУМ	13
ЧАСТЬ II. ОСНОВАНИЕ: ПРЕСКРИПТ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ	14
Глава 6. Идентичность	15
Глава 7. Предназначение	16
Глава 8. Вклад	17
ЧАСТЬ III. МЕТОДОЛОГИЯ: ФОРМУЛИРОВАНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕСКРИПТА	18
ЧАСТЬ IV. ИНСТИТУТЫ: ЗАЩИТА СМЫСЛА	19
ЧАСТЬ V. СУВЕРЕНИТЕТ: ОТ ЗАЩИТЫ К СОЗИДАНИЮ	20
ЧАСТЬ VII. ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОЕКТИВНАЯ ПАРАДИГМА	22
ПРЕДИСЛОВИЕ. О СТАТУСЕ ПРЕСКРИПТОЛОГИИ	23
ЧАСТЬ I. ДИАГНОЗ: ПРЕСКРИПТИВНЫЙ ВАКУУМ	25
Глава 1. Определение прескриптивного вакуума	26
Отличие от кризиса	27
Хроническая природа и латентность	28
Сохранение процедурной эффективности при утрате смыслового основания	29
Образ врага: идентичность через отрицание	30
Архаика: прошлое как источник легитимности	31
Механика комбинирования суррогатов	33
Глава 3. Исторические примеры прескриптивного вакуума	34
Поздний Рим: империя без проекта	35
Поздний СССР: исчерпание прескрипта	36
Современные демократии: процедура без телеологии	37
Критерий устойчивости	39
Диагностика суррогатов	40
Отличие смысла от его заместителей	41
ЧАСТЬ II. ОСНОВАНИЕ: ПРЕСКРИПТ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Смысл как власть

Руслан Сергеевич Нерсисян

© Руслан Сергеевич Нерсисян, 2026

ISBN 978-5-0071-2255-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«СМЫСЛ КАК ВЛАСТЬ»

АННОТАЦИЯ

XXI век поставил человечество перед парадоксом: мы умеем управлять сложнейшими системами, но разучились отвечать на вопрос «ради чего?». Государства сохраняют процедурную эффективность, утрачивая смысловое основание. Корпорации оптимизируют прибыль, не зная, чему служат. Индивиды наращивают компетенции, теряя понимание собственной траектории.

Это состояние — прескриптивный вакуум — не является нейтральным. Он активно заполняется суррогатами: образом врага, архаикой, потребительством, фетишем стабильности. Суррогаты создают иллюзию движения, но не дают направления. Они мобилизуют сегодня и гарантируют катастрофу завтра.

Книга предлагает иное: прескрипт — операциональную формулу смысла, которая может быть не только провозглашена, но и проверена, защищена, передана. Прескрипт отвечает на три вопроса — «кто мы?», «ради чего мы существуем?»,

«что мы оставим будущему?» — и становится основанием для проективного государства.

В работе последовательно раскрываются:

- природа прескриптивного вакуума и механизмы его замещения;
- структура прескрипта и критерии его состоятельности;
- методология формулирования и обновления смыслового ядра;
- институциональные механизмы защиты прескрипта: ценностный аудит, прескриптивный совет, надконституционный акт, темпоральная политика;
- понятие проективного суверенитета как способности быть автором собственной траектории;
- архитектура государства, в котором смысл становится верховным правом, а власть — инструментом его реализации.

Книга адресована философам, правоведам, государственным деятелям, стратегам

— каждому, кто задаётся вопросом «ради чего?» и готов искать на него ответ не в идеологии, а в институциональном дизайне.

ВВЕДЕНИЕ

Каждая эпоха задаёт свой вопрос

Античность спрашивала: «Что есть благо?» — и искала ответ в природе вещей. Средневековье спрашивало: «Что есть истина?» — и находило его в откровении. Новое время спросило: «Что есть знание?» — и построило науку. Двадцатый век

спросил: «Что есть власть?» — и создал институты, которые мы сегодня принимаем за данность.

Наш век задаёт иной вопрос. Не «что есть?», не «как устроено?», не «кто правит?». Наш вопрос — «ради чего?».

Этот вопрос звучит на всех уровнях. Индивид, достигший комфорта, обнаруживает, что комфорт не отвечает на вопрос о смысле жизни. Корпорация, оптимизировавшая прибыль, не знает, чему служит её прибыль. Государство, защитившее границы и обеспечившее порядок, не понимает, ради чего оно защищает и обеспечивает. Цивилизация, покорившая природу и создавшая технологии, не имеет ответа на вопрос о собственном предназначении.

Этот вопрос не является философской абстракцией. Он имеет практические, измеримые, даже катастрофические последствия.

Общество, не имеющее ответа на вопрос «ради чего?», неизбежно заполняет пустоту суррогатами. Образ врага даёт единство через противостояние, но делает идентичность зависимой от наличия противника. Архаика даёт укоренённость, но блокирует обновление. Потребительство даёт комфорт, но лишает направления. Фетиш стабильности даёт иллюзию безопасности, но в меняющемся мире ведёт к деградации.

Суррогаты работают — до тех пор, пока не перестают. Они дают временную мобилизацию, но не создают траектории. Они создают иллюзию движения, но не дают направления. Они позволяют отвечать на вызовы сегодня, но гарантируют катастрофу завтра.

Эта книга — о том, как дать ответ на вопрос «ради чего?». Ответ, который не был бы ни идеологией, ни религией, ни философской абстракцией. Ответ, который мог бы стать основанием для институтов, проверяемых, защищаемых и передаваемых.

Таким ответом является прескрипт.

Прескрипт — это сжатая формула смысла, отвечающая на три вопроса:

— Кто мы? — идентичность, ценностное самоопределение субъекта.

— Ради чего мы существуем? — предназначение, смысл, выходящий за рамки самосохранения.

— Что мы оставим будущему? — вклад, связь с тем, что переживёт нас.

Прескрипт не является лозунгом или декларацией. Он операционален: из него выводятся критерии для оценки конкретных решений. Он не является догмой: он содержит механизм собственного обновления. Он не является идеологией: он

задаёт ценностную рамку, оставляя открытыми вопросы о средствах и интерпретациях.

Книга построена как последовательное движение.

Часть I диагностирует природу прескриптивного вакуума, анализирует механизмы его заполнения суррогатами и вводит понятие прескрипта как операциональной категории смысла.

Часть II раскрывает структуру прескрипта, его конститутивные свойства и методологию формулирования — от исторической рефлексии до герменевтического круга.

Часть III рассматривает институциональные механизмы защиты прескрипта: ценностный аудит, прескриптивный совет, надконституционный акт, темпоральную политику.

Часть IV вводит понятие проективного суверенитета — способности субъекта быть автором собственной траектории, а не объектом внешних стратегий.

Часть V описывает архитектуру государства, в котором смысл становится верховным правом, а институты — инструментами его реализации.

Часть VI обращается к антропологическому измерению: человеку, способному быть носителем прескрипта, и условиям формирования такой способности.

Часть VII рассматривает цивилизационный горизонт: прескриптологию как инструмент перехода от реактивной парадигмы к проективной.

Книга не предлагает готовых рецептов. Она предлагает архитектуру — точную, операциональную, проверяемую. Она не обещает лёгкого пути. Она обещает путь, имеющий направление.

Автор исходит из простого тезиса: смысл не является роскошью. Это условие существования. Субъект, лишённый смысла, деградирует. Государство, лишённое смысла, стагнирует. Цивилизация, лишённая смысла, исчезает.

Вопрос «ради чего?» — не праздный. Он — самый практичный из всех возможных. Ответ на него определяет всё остальное: куда мы идём, что оставляем, кем становимся.

Эта книга — приглашение к ответу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. О статусе прескриптологии

ЧАСТЬ I. ДИАГНОЗ: ПРЕСКРИПТИВНЫЙ ВАКУУМ

Глава 1. Определение прескриптивного вакуума

- Отличие от кризиса
- Хроническая природа и латентность
- Сохранение процедурной эффективности при утрате смыслового

основания

Глава 2. Четыре суррогата смысла

- Образ врага: идентичность через отрицание
- Архаика: прошлое как источник легитимности
- Потребительство: комфорт как телеология
- Фетиш стабильности: отсутствие перемен как ценность
- Механика комбинирования суррогатов

Глава 3. Исторические примеры вакуума

- Поздний Рим: империя без проекта
- Поздний СССР: исчерпание прескрипта
- Современные демократии: процедура без телеологии

Глава 4. Тест на подлинность

- Критерий устойчивости
- Диагностика суррогатов
- Отличие смысла от его заместителей

ЧАСТЬ II. ОСНОВАНИЕ: ПРЕСКРИПТ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Глава 5. Определение прескрипта

- Этимология и концептуальные границы
- Отличие от ценности, цели, идеологии, конституции
- Структура: три вопроса

Глава 6. Идентичность

- *Кто мы? — ценностное самоопределение*
- *Идентичность как обязательство, а не описание*
- *Отличие от этнической, конфессиональной, идеологической идентичности*

Глава 7. Предназначение

- *Ради чего мы существуем? — телеология без конечной точки*
- *Отличие от цели*
- *Предназначение как длящееся основание*

Глава 8. Вклад

- Что мы оставим будущему? — межпоколенческая ответственность
- Вклад как связь с надындивидуальным
- Темпоральное измерение прескрипта

Глава 9. Конститутивные свойства прескрипта

- Сжатость
- Операциональность
- Аутентичность
- Обновляемость
- Инклюзивность

Глава 10. Неразрывность триады

- Идентичность без предназначения — самолюбование
- Предназначение без идентичности — абстрактный морализм
- Вклад без первых двух — позёрство

ЧАСТЬ III. МЕТОДОЛОГИЯ: ФОРМУЛИРОВАНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ ПРЕСКРИПТА

Глава 11. Историческая рефлексия

- Анализ критических развилок
- Выявление повторяющихся паттернов
- Извлечение латентного смысла

Глава 12. Культурный анализ

- Язык как носитель ценностных кодов
- Литература и искусство как рефлексия смысла
- Нормативная среда и её ценностные основания

Глава 13. Сравнительный анализ

- Определение уникальности
- Избегание полюсов зависти и высокомерия
- Референтные субъекты и их прескрипты

Глава 14. Герменевтический круг

- Постоянное уточнение через испытание реальностью
- Различение ядра и интерпретаций
- Предотвращение догматизации

Глава 15. Общественная рефлексия

- Институционализированное осмысление оснований
- Роль экспертного сообщества
- Всенародное обсуждение как условие аутентичности

ЧАСТЬ IV. ИНСТИТУТЫ: ЗАЩИТА СМЫСЛА

Глава 16. Ценностный аудит

- Определение и место в системе контроля
- Три группы критериев: идентичность, предназначение, вклад
- Процедура: инициация, анализ, оценка, заключение, публикация
- Отсутствие права вето

Глава 17. Прескриптивный совет

- Статус: конституционный орган вне ветвей власти
- Функции: аудит, мониторинг, участие в обновлении
- Институциональный дизайн: формирование, сроки, ротация,

несменяемость

- Подотчётность через публичность

Глава 18. Надконституционный прескриптивный акт

- Определение и отличие от конституции и закона
- Структура акта
- Верховенство и неотчуждаемость
- Процедура принятия и изменения

Глава 19. Темпоральная политика

- Понятие смещения к настоящему
- Три горизонта: тактический, стратегический, поколенческий
- Темпоральный баланс
- Представительство будущих поколений

Глава 20. Проективная экспертиза

- Отличие от стратегического планирования
- Генерация альтернативных проектов
- Проверка на соответствие прескрипту
- Выбор остаётся за политической властью

ЧАСТЬ V. СУВЕРЕНИТЕТ: ОТ ЗАЩИТЫ К СОЗИДАНИЮ

Глава 21. Эволюция форм суверенитета

- Территориальный: пространство
- Политический: процедура
- Экономический: ресурсы
- Информационный: защита сознания
- Темпоральный: горизонт

Глава 22. Парадокс защищённой пустоты

- Формальный суверенитет без содержательной субъектности
- Защита как самоцель
- Исчерпание парадигмы сохранения

Глава 23. Проективный суверенитет

- Определение: способность быть автором собственной траектории
- Суверенитет-как-статус и суверенитет-как-практика
- Отличие от реактивного существования

Глава 24. Переосмысление форм суверенитета

- Территория как ресурс проекта
- Политика как инструмент проекта
- Экономика как топливо проекта
- Информация как защита проекта
- Время как горизонт проекта

Глава 25. Утрата и возобновление проективности

- Стадии утраты: ритуализация, суррогатизация, реактивизация, распад
- Условия возобновления
- Институциональные противовесы

ЧАСТЬ VI. АНТРОПОЛОГИЯ: ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ ПРЕСКРИПТА

Глава 26. Темпоральная слепота

- Природа когнитивной близорукости
- Эволюционные корни
- Институциональное усиление

Глава 27. Метанойя: переход к проективному существованию

- Понятие и операциональное содержание
- Три измерения: ценностное, темпоральное, операциональное
- Этапы: обнаружение пустоты, отказ от суррогатов, обретение прескрипта, отладка

практик

Глава 28. Проективное мышление

- Природа: от описания к созиданию
- Ценностная инициация
- Многогоризонтная оценка
- Проектная конкретизация
- Рефлексивная коррекция

Глава 29. Темпоральная грамотность

- Понятие и структура
- Три горизонта мышления
- Темпоральная калькуляция
- Формирование компетенции

Глава 30. Свобода через осознанность

- Отличие от свободы через отрицание
- Прескрипт как условие, а не ограничение свободы
- Ответственность как основание свободы

ЧАСТЬ VII. ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ПРОЕКТИВНАЯ ПАРАДИГМА

Глава 31. От реактивности к проективности

- Формула реактивного существования
- Формула проективного существования
- Цивилизационный сдвиг

Глава 32. Государство как автор

- Отличие от государства-функции
- Отличие от государства-организма
- Проективократия как власть проекта

Глава 33. Прескриптология как наука

- Предмет и метод
- Место в системе знания
- Отличие от философии, идеологии, религии, эзотерики

Глава 34. Цивилизационный прескрипт

- Предельный уровень смыслообразования
- Три вопроса цивилизации
- Соотношение с национальными прескриптами

Глава 35. Смысл, ставший институтом

- От вопроса к ответу
- От ответа к акту
- От акта к институту
- От института к цивилизации
- Формула завершена

Заключение. Приглашение к проекту

Приложение 1. Критерии состоятельности прескрипта Приложение 2.
Методика ценностного аудита Приложение 3. Сравнительная таблица форм
суверенитета

Приложение 4. Проект надконституционного прескриптивного акта
(рамочный)

Библиография

ПРЕДИСЛОВИЕ. О СТАТУСЕ ПРЕСКРИПТОЛОГИИ

Настоящая книга не является ни философским трактатом, ни политическим манифестом, ни учебником по государственному управлению. Она предлагает нечто иное — новый тип знания, который, возможно, станет основанием для новой дисциплины.

Вопрос о смысле традиционно относился к компетенции философии, религии и — в последнее время — эзотерики. Каждая из этих сфер предлагала ответы, но каждая оставляла нерешённой одну и ту же проблему: как перевести смысл из состояния созерцания в состояние действия? Как сделать так, чтобы ответ на вопрос «ради чего?» не просто вдохновлял, но и проверялся, защищался, передавался?

Философия дала нам великие тексты о благе, справедливости и предназначении. Но эти тексты остались текстами. Они не стали инструментами. Религия дала нам веру, которая мобилизует, но не поддаётся проверке. Наука дала нам знание, которое проверяемо, но принципиально исключает вопрос о целях. Эзотерика дала нам интуицию, но не дала критериев.

Образуется разрыв: феномен смысла существует, но инструмента для работы с ним нет.

Этот разрыв не является академической проблемой. Он имеет практические, измеримые и катастрофические последствия. Государства, утратившие ответ на вопрос «ради чего?», не распадаются мгновенно — они стагнируют десятилетиями, накапливая темпоральный ущерб, который однажды становится необратимым. Корпорации, не знающие своего предназначения, превращаются в машины воспроизводства прибыли, разрушающие основания собственного существования. Индивиды, лишённые смыслового ядра, заполняют пустоту суррогатами, которые дают временный комфорт и гарантируют будущую пустоту.

Прескриптология возникает как ответ на этот разрыв. Её предмет — смысл в его операциональной форме. Её задача — дать инструмент, который позволяет не только понимать смысл, но и использовать его: проверять решения на соответствие, защищать от подмены, передавать следующим поколениям.

Это амбициозная задача. Она требует переопределения границ между дисциплинами, которые веками существовали изолированно. Прескриптология не отменяет философию, религию, науку или эзотерику. Она создаёт точку их сопряжения — пространство, в котором содержание смысла, взятое из любой из этих сфер, может быть переведено в операциональную форму прескрипта.

Статус прескриптологии как науки обосновывается несколькими критериями.

Специфический предмет. Прескриптология изучает не смысл вообще, а смысл в его операциональной форме — прескрипт. Это отличает её от философии, которая изучает смысл как таковой, и от психологии, которая изучает переживание смысла.

Операционализируемый понятийный аппарат. Прескрипт, идентичность, предназначение, вклад, ценностный аудит, темпоральная политика — все эти понятия имеют операциональные определения, то есть могут быть переведены в критерии для проверки.

Воспроизводимый метод. Методология формулирования и обновления прескрипта — историческая рефлексия, культурный анализ, сравнительный анализ, герменевтический круг, общественная рефлексия — может быть применена к любому субъекту: индивиду, организации, государству, цивилизации.

Эмпирическая проверяемость. Прескрипт может быть проверен на соответствие трем критериям: сжатость, операциональность, аутентичность. Эти критерии позволяют отличить работающий прескрипт от пустой декларации.

Практическая значимость. Прескриптология даёт инструменты для решения проблем, которые не решает ни одна другая дисциплина: как закрепить смысл в праве, как защитить его от эрозии, как передать следующим поколениям.

Книга, которую вы держите в руках, является изложением этой дисциплины. Она не предлагает готовых ответов на вопрос «ради чего?». Она предлагает способ находить собственные ответы и превращать их в работающие основания.

Автор не претендует на истину в последней инстанции. Прескриптология находится в стадии становления. Её понятийный аппарат будет уточняться. Её методология будет развиваться. Её институциональные предложения будут проверяться практикой.

Но одно остаётся неизменным: вопрос «ради чего?» не является праздным. Это самый практичный из всех возможных вопросов. Ответ на него определяет всё остальное.

Эта книга — приглашение к поиску этого ответа.

ЧАСТЬ I. ДИАГНОЗ: ПРЕСКРИПТИВНЫЙ ВАКУУМ

Глава 1. Определение прескриптивного вакуума

Современное состояние политических, экономических и социальных систем характеризуется парадоксом: уровень процедурного совершенства институтов

достиг исторического максимума, однако вопрос о телеологической обоснованности их функционирования остаётся без удовлетворительного ответа. Институты работают — но неизвестно, ради чего. Процедуры соблюдаются — но неясно, чему они служат. Показатели достигаются — но они не складываются в траекторию.

Это состояние определяется как прескриптивный вакуум.

Термин образован от латинского *praescriptum* — «предписание», «то, что записано прежде», — и обозначает отсутствие операционально выраженного смыслового ядра при сохранении внешней дееспособности системы.

Отличие от кризиса

Прескриптивный вакуум принципиально отличается от кризиса. Кризис — острая фаза: система сталкивается с явным сбоем, угрозой, дисфункцией. Кризис виден, диагностируется, требует немедленной реакции. Кризис мобилизует: в условиях явной угрозы субъект концентрирует ресурсы, принимает решения, действует.

Вакуум хроничен и латентен. Он не проявляется в показателях, не фиксируется отчётом, не вызывает тревоги. Система в вакууме может демонстрировать высокую эффективность: институты работают, экономика растёт, показатели выполняются. Но за этой эффективностью отсутствует направление.

Различие можно представить через медицинскую метафору. Кризис — это инфаркт: явный, болезненный, требующий немедленного вмешательства. Прескриптивный вакуум — это хроническая гиподинамия: внешне человек может выглядеть здоровым, но его организм постепенно теряет способность к сопротивлению, накапливая риски, которые однажды реализуются.

Кризис требует реакции. Вакуум требует рефлексии.

Именно поэтому вакуум опаснее кризиса. Кризис мобилизует и часто ведёт к обновлению. Вакуум усыпляет и ведёт к деградации, которая остаётся незаметной до тех пор, пока не становится необратимой.

Хроническая природа и латентность

Прескриптивный вакуум не является временным состоянием. Он может длиться десятилетиями, оставаясь нераспознанным.

Его хроническая природа обусловлена тем, что система в вакууме продолжает функционировать — и часто функционирует вполне успешно. Институты воспроизводят себя, процедуры соблюдаются, показатели выполняются. Внешне всё выглядит нормально.

Латентность вакуума означает, что он не имеет аварийной сирены. Он не проявляется в виде очевидных сбоев. Он проявляется косвенно:

- в сокращении горизонта планирования (решения принимаются на всё более короткие сроки);
- в росте недоверия к институтам (даже при сохранении их формальной эффективности);
- в увеличении разрыва между декларируемыми ценностями и реальными решениями;
- в заполнении публичного пространства суррогатами (образ врага, архаика, потребление, фетиш стабильности);
- в утрате способности к долгосрочному проектированию.

Вакуум не диагностируется стандартными методами. Его нельзя измерить через ВВП, уровень безработицы или индекс демократии. Он требует качественного анализа — рефлексии оснований, которой в нормальном режиме управления не предусмотрено.

Это создаёт порочный круг: вакуум не виден, потому что его не измеряют; его не измеряют, потому что его не видят.

Сохранение процедурной эффективности при утрате смыслового основания

Ключевой парадокс прескриптивного вакуума — сохранение процедурной эффективности при утрате смыслового основания.

Система может быть безупречной по форме и бессодержательной по сути. Документы оформлены правильно, сроки соблюдены, отчёты сданы. Но результат отсутствует — или, точнее, результат есть, но он не имеет отношения к смыслу.

Это состояние знакомо каждому, кто сталкивался с бюрократией: процедуры работают, но непонятно, ради чего. Законодательство совершенствуется, но не отвечает на вызовы. Стратегии пишутся, но не реализуются.

Процедурная эффективность при утрате смыслового основания порождает феномен, который можно назвать «защищённой пустотой»: система безупречно оснащена механизмами сохранения, но не имеет собственного проекта.

Этот феномен особенно опасен тем, что он создаёт иллюзию благополучия. Пока процедуры работают, кажется, что всё в порядке. Но процедуры — это средства, а не цели. Когда средства становятся самоцелью, система теряет направление.

Различие можно сформулировать так:

— Смысловое основание отвечает на вопрос «ради чего?».

— Процедурная эффективность отвечает на вопрос «как?».

В здоровой системе процедуры служат смыслу. В прескриптивном вакууме процедуры становятся самоцелью, а смысл либо отсутствует, либо замещён суррогатами.

Прескриптивный вакуум — это не просто отсутствие смысла. Это состояние, в котором отсутствие смысла не ощущается, потому что оно заполнено суррогатами. Суррогаты создают иллюзию направленности, но не дают траектории.

Глава 2. Четыре суррогата смысла

Природа не терпит пустоты. Прескриптивный вакуум не остаётся пустым — он активно заполняется суррогатами смысла. Суррогаты — это заменители, которые имитируют наличие направления, но не создают траектории.

Суррогаты функциональны: они дают временное ощущение определённости, мобилизуют ресурсы, создают иллюзию единства. Но они не самодостаточны: их действие исчерпывается, и после их исчерпания вакуум возвращается — часто в более острой форме.

Выделяются четыре основных типа суррогатов. Каждый из них может действовать самостоятельно, но в реальности они почти всегда комбинируются, образуя устойчивые конфигурации.

Образ врага: идентичность через отрицание

Образ врага — наиболее древний и наиболее мощный суррогат. Его механизм прост: смысл существования обретается через противостояние. «Мы — против них». Идентичность формируется не изнутри, а через отрицание другого.

Образ врага решает несколько задач:

— Даёт единство. Ничто так не сплачивает, как общая угроза. Внутренние различия отступают перед внешним противником.

— Обеспечивает мобилизацию. Страх и ненависть — мощные мотиваторы. Они концентрируют ресурсы и волю.

— Предлагает простую картину мира. Сложность редуцируется до дихотомии «свои — чужие», «добро — зло».

— Избавляет от рефлексии. Не нужно думать, ради чего мы существуем, — достаточно знать, против кого.

Но образ врага не является самодостаточным основанием. Его ограничения фатальны:

— Зависимость от наличия врага. Если противник исчезает, исчезает и смысл. Субъект оказывается заинтересован в сохранении врага, даже когда рационально должен желать его устранения.

— Истощение. Противостояние требует ресурсов, но не создаёт созидательной повестки. Оно мобилизует, но не развивает.

— Реактивность. Идентичность, определённая через противостояние, всегда зависит от внешнего. Субъект становится ведомым, а не ведущим.

Образ врага — это суррогат, который работает в краткосрочной перспективе и разрушает в долгосрочной. Он даёт энергию, но не даёт направления. Он сплачивает, но не строит.

Архаика: прошлое как источник легитимности

Архаика — суррогат, который черпает смысл из прошлого. «Мы — наследники великой традиции». «Мы — хранители того, что было создано предками».

Архаика даёт:

— Укоренённость. Чувство связи с прошлым, преемственности, принадлежности к чему-то большему, чем собственная жизнь.

— Готовый ответ. Вопрос «кто мы?» уже имеет ответ, данный традицией. Не нужно рефлексировать — нужно воспроизводить.

— Легитимность. Прошлое авторитетно. То, что было всегда, воспринимается как правильное.

Но архаика блокирует развитие:

— Прошлое не содержит ответов на новые вызовы. Технологические сдвиги, демографические изменения, геополитические трансформации — всё это требует решений, которых в традиции нет.

— Архаика консервирует. Она превращает историю в музей, а не в источник опыта.

— Архаика опасна в соединении с образом врага. Конфигурация «мы — хранители традиции, они — разрушители» создаёт замкнутый круг: противостояние консервирует прошлое, прошлое оправдывает противостояние.

Архаика особенно коварна тем, что имитирует ценностное ядро. В отличие от откровенного вакуума, архаизированная идентичность выглядит наполненной: есть традиция, история, ценности. Но эти ценности не операциональны: они дают комфорт, но не направление.

Потребительство: комфорт как телеология

Потребительство — суррогат, подменяющий смысл комфортом и накоплением. Вопрос «ради чего?» заменяется вопросом «достаточно ли?».

Потребительство даёт:

— Немедленное вознаграждение. Удовольствие от покупки, комфорт от обладания

— всё это ощутимо, конкретно, измеримо.

— Иллюзию контроля. Потребитель выбирает, что купить, и тем самым создаёт видимость свободы.

— Избегание рефлексии. Потребительство не требует ответов на трудные вопросы. Оно предлагает простую замену: чувствуешь пустоту — купи что-нибудь.

Но потребительство не создаёт траектории:

— Оно требует постоянного воспроизводства. За каждым приобретением следует новая пустота. Субъект оказывается на беговой дорожке.

— Оно атомизирует. Потребительство превращает общность в совокупность индивидов, связанных не общим смыслом, а общим рынком.

— Оно беспомощно в кризис. Когда требуется жертвенность и солидарность, потребительский субъект оказывается неготовым. Комфорт не мобилизует.

Потребительство — это суррогат, который работает в периоды благополучия и разрушается в периоды испытаний. Оно усыпляет, но не укрепляет.

Фетиш стабильности: отсутствие перемен как ценность

Фетиш стабильности — суррогат, возводящий отсутствие перемен в высшую ценность. «Лишь бы не было хуже». «Главное — сохранить то, что есть».

Стабильность даёт:

— Ощущение безопасности. Ничего не меняется — значит, ничего не угрожает.

— Предсказуемость. Можно планировать, можно рассчитывать.

— Избегание риска. Перемены всегда несут неопределённость. Отказ от перемен — отказ от риска.

Но в меняющемся мире статика разрушительна:

— Неподвижный объект в потоке не сохраняется — он разрушается. Отказ от перемен не защищает от них; он лишь делает их неуправляемыми.

— Стабильность без развития — это стабильность деградации. Система, которая не обновляется, постепенно теряет способность к адаптации.

— Фетиш стабильности блокирует обновление. Он превращает консервацию в ценность, а развитие — в угрозу.

Фетиш стабильности — это суррогат, который особенно опасен в соединении с другими суррогатами. Стабильность плюс архаика даёт «вечное возвращение к прошлому». Стабильность плюс образ врага даёт «осаждённую крепость». Стабильность плюс потребительство даёт «комфортный застой».

Механика комбинирования суррогатов

Суррогаты редко действуют поодиночке. Они комбинируются, образуя устойчивые конфигурации, которые могут существовать десятилетиями.

Наиболее опасные комбинации:

— Образ врага + Архаика: «Мы — хранители традиции, они — разрушители». Противостояние консервирует прошлое, прошлое оправдывает противостояние.

— Архаика + Фетиш стабильности: «Так было всегда, так будет всегда». Прошлое и настоящее сливаются в вечном возвращении.

— Потребительство + Образ врага: «Мы потребляем, а они нам мешают». Комфорт защищается от внешней угрозы, угроза оправдывает комфорт.

— Все четыре: Максимально устойчивая конфигурация. Враг мобилизует, архаика даёт идентичность, потребительство успокаивает, стабильность защищает.

Комбинации суррогатов создают полную иллюзию осмысленности. Система выглядит цельной: есть идентичность, есть мобилизация, есть комфорт, есть защита. Но это не смысл — это его симуляция.

Диагностический критерий остаётся простым: что останется, если убрать внешний источник?

— Если убрать врага — останется ли смысл?

— Если отнять комфорт — останется ли направление?

— Если лишить стабильности — останется ли основание?

— Если отрезать прошлое — останется ли идентичность?

Если ответ «нет» — это были суррогаты. Если «да» — смысл подлинный.

Суррогаты отступают не тогда, когда с ними воюют, а тогда, когда им не остаётся места. Укрепление подлинного смысла — единственная защита от суррогатов. Этому укреплению посвящены последующие части книги.

Глава 3. Исторические примеры прескриптивного вакуума

Прескриптивный вакуум не является абстрактной конструкцией. Он многократно наблюдался в истории — и каждый раз его последствия были катастрофическими. Анализ исторических примеров позволяет выявить закономерности: вакуум

возникает не случайно, а как закономерный итог исчерпания проекта при отсутствии механизма его обновления.

Три примера — Поздний Рим, Поздний СССР и современные западные демократии — представляют три различные формы одного и того же феномена. В каждом случае система сохраняла внешнюю дееспособность, но утрачивала ответ на вопрос «ради чего?». В каждом случае вакуум заполнялся суррогатами. В каждом случае последствия были либо фатальными, либо вели к глубокой трансформации.

Поздний Рим: империя без проекта

Римская империя в период расцвета была проектным государством. Её прескрипт — *Pax Romana* (Римский мир) — был ясен и операционален: порядок, право, цивилизация против варварства. Идентичность римлянина была идентичностью носителя закона и культуры. Предназначение — распространение и защита цивилизованного мира. Вклад — право, дороги, акведуки, язык, административная система.

Римский проект был реализован к концу II века н. э. Империя достигла своих естественных границ. Вопрос «ради чего?» перестал иметь прежнюю силу. Дальнейшее расширение было невозможно; задача сохранения уже достигнутого не давала мобилизующего импульса.

Наступил прескриптивный вакуум. Империя сохраняла процедурную эффективность: армия охраняла границы, администрация собирала налоги, суды отправляли правосудие. Но смысл этих действий был утрачен. Зачем охранять границы? Ради чего собирать налоги? Что останется после нас?

Вакуум заполнился суррогатами.

Образ врага стал доминирующим суррогатом. Идентичность римлянина всё больше определялась через противостояние с варварами. Но враги были реальны, и их давление усиливалось. Мобилизация через образ врага истощала ресурсы, не создавая новой повестки.

Архаика проявлялась в культе прошлого. Римляне обращались к временам Республики как к «золотому веку». Но прошлое не содержало ответа на новые вызовы: как управлять империей, где центр теряет контроль над периферией? Как удержать армию, состоящую из варваров?

Потребительство размывало гражданскую солидарность. «Хлеба и зрелищ» — эта формула позднего Рима стала символом подмены смысла комфортом. Граждане требовали развлечений, а не проекта. Элиты потребляли, не созидая.

Фетиш стабильности проявился в попытках сохранить институты любой ценой. Диоклетиан реформировал империю, но его реформы были направлены на сохранение, а не на обновление. Империя консервировалась, а не развивалась.

Результат — постепенная деградация, завершившаяся падением Западной Римской империи. Империя погибла не от внешнего удара — она погибла от внутреннего опустошения. Варвары были не причиной, а симптомом.

Урок: проектное государство без механизма обновления обречено. Рим создал великую цивилизацию, но не создал институтов, которые позволили бы пересмотреть проект, когда он исчерпался. Вакуум заполнился суррогатами, и империя рухнула.

Поздний СССР: исчерпание прескрипта

Советский Союз — классический пример проектного государства. Его прескрипт был ясен и операционален: построение бесклассового общества, освобождение труда, создание нового человека. Идентичность — «мы — строители коммунизма». Предназначение — освобождение человечества от эксплуатации. Вклад — общество справедливости, которое станет примером для всего мира.

Советский проект был реализован в своих основных чертах к 1960-м годам. Индустриализация завершена, космос освоен, социальное государство построено. Вопрос «что дальше?» остался без ответа. Механизма обновления проекта не существовало — партийная монополия исключала конкуренцию интерпретаций.

Наступил прескриптивный вакуум. Партийные съезды принимали программы, но они были ритуалом, а не проектом. Пятилетки выполнялись, но их смысл был утрачен. Система сохраняла процедурную эффективность, но утратила телеологию. Внешне всё функционировало, но ответ на вопрос «ради чего?» был либо пуст, либо звучал как повторение формул, которые никто не принимал всерьёз.

Вакуум заполнился суррогатами.

Образ врага стал доминирующим суррогатом в 1970—1980-е годы. «Холодная война», «капиталистическое окружение», «империализм» — противостояние Западу стало главным источником идентичности. Но когда враг начал ослабевать (перестройка, разрядка), идентичность оказалась под угрозой. Система, построенная на противостоянии, не могла существовать в мире.

Архаика проявилась в обращении к сталинскому периоду как к «золотому веку». Но возврат к прошлому был невозможен и нежелателен. Архаика не давала ответа на новые вызовы.

Потребительство нарастало в 1970-е годы. Всё больше ресурсов направлялось на повышение уровня жизни, но потребительский бум не создавал нового смысла. Он лишь откладывал кризис.

Фетиш стабильности стал кредо позднего советского руководства. «Лишь бы не было потрясений». Но отказ от перемен в меняющемся мире привёл к накоплению проблем, которые однажды стали неразрешимыми.

Результат — распад 1991 года. СССР не был завоёван извне. Он распался изнутри, потому что прескрипт исчерпал себя, а механизм обновления отсутствовал. Реформы Горбачёва были попыткой создать такой механизм, но они начались слишком поздно и были несистемными.

Урок: проектное государство, не имеющее институционализированного механизма обновления, живёт до тех пор, пока живёт проект. Когда проект исчерпывается, система входит в точку бифуркации. Без обновления она распадается.

Современные демократии: процедура без телеологии

Современные западные демократии представляют третий тип прескриптивного вакуума. В отличие от Рима и СССР, они не являются проектными государствами в классическом смысле. Их прескрипт — либеральная демократия, права человека, рыночная экономика — был сформулирован в XVIII—XIX веках и к середине XX века стал глобальной нормой.

Проблема в том, что этот прескрипт перестал быть операциональным. «Права человека» — слишком абстрактная формула, чтобы служить основанием для конкретных решений. Демократические процедуры сохраняются, но они не дают ответа на вопрос «ради чего?». Выборы проходят, законы принимаются, партии конкурируют — но куда движется общество? Каков его проект?

Либеральная демократия стала жертвой собственного успеха. Её основания были завоеваны, её институты устояли, её ценности стали общепринятыми. Но когда основание перестаёт быть проблемой, оно перестаёт быть и проектом. Демократия превратилась из проекта в процедуру.

Симптомы вакуума очевидны:

— Сокращение горизонта планирования. Политики мыслят электоральными циклами. Решения с последствиями через двадцать лет не принимаются — они не дают политических дивидендов.

— Рост популизма. В отсутствие проекта побеждают те, кто предлагает самые простые ответы — образ врага, возврат к прошлому, комфорт и стабильность.

— Поляризация. Общество раскалывается на группы, каждая из которых требует защиты своих интересов. Общий смысл отсутствует.

— Институциональная инерция. Институты продолжают работать, но их легитимность снижается. Доверие к парламентам, судам, медиа падает.

Вакуум заполняется теми же суррогатами:

— Образ врага — в форме культурных войн, противостояния «либералов» и «консерваторов», «глобалистов» и «националистов».

— Архаика — в форме обращения к «традиционным ценностям», «золотому веку», «великому прошлому».

— Потребительство — комфорт становится единственной общей целью. Общество превращается в совокупность потребителей.

— Фетиш стабильности — страх перед переменами парализует политическую волю.

Результат пока неясен. Западные демократии не рухнули и не распались. Но они стагнируют, теряют способность к обновлению и накапливают темпоральный ущерб — демографический, экологический, технологический, институциональный. Вопрос в том, сможет ли система создать механизм обновления до того, как вакуум станет необратимым.

Урок: даже самая совершенная процедура не заменяет смысла. Демократия без проекта превращается в процедуру без телеологии. Она может существовать десятилетиями, но она не будет развиваться. А в меняющемся мире отсутствие развития равносильно деградации.

Общий вывод из исторических примеров:

Прескриптивный вакуум — закономерный итог исчерпания проекта при отсутствии механизма обновления. Он может длиться десятилетиями. Он заполняется суррогатами. Он не диагностируется стандартными методами. И он ведёт либо к распаду, либо к глубокой трансформации, которая всегда болезненна и часто катастрофична.

Единственный способ избежать вакуума — институционализировать механизм обновления смысла. Это — задача, которую прескриптология пытается решить.

Глава 4. Тест на подлинность

Прескриптивный вакуум заполняется суррогатами. Суррогаты имитируют смысл, но не являются им. Как отличить подлинный прескрипт от суррогата? Как диагностировать, что система утратила смысловое основание? Как проверить, что формула, которую мы произносим, действительно работает?

Эти вопросы требуют операционального ответа. Без критерия отличия подлинного смысла от его заместителей любая диагностика остаётся субъективной. Глава предлагает три инструмента: критерий устойчивости, диагностику суррогатов и различение смысла и его заместителей.

Критерий устойчивости

Критерий устойчивости — самый простой и самый надёжный способ отличить прескрипт от суррогата. Он формулируется как вопрос: что останется, если убрать внешний источник?

Суррогат всегда зависит от внешнего. Он существует до тех пор, пока существует его источник. Как только источник исчезает, суррогат перестаёт работать.

Четыре вопроса соответствуют четырём суррогатам.

Если убрать врага — останется ли смысл? Идентичность, построенная на противостоянии, рушится, когда противостояние заканчивается. Если после исчезновения врага остаётся пустота — это был суррогат. Если остаётся идентичность, имеющая собственное содержание, — это был подлинный прескрипт.

Если отнять комфорт — останется ли направление? Общество, живущее потребительством, теряет ориентиры, когда комфорт становится недоступным. Если после потери комфорта остаётся траектория — это был прескрипт. Если остаётся только ностальгия по утраченному комфорту — это был суррогат.

Если лишить стабильности — останется ли основание? Стабильность как фетиш рушится при первых серьёзных переменах. Если после потери стабильности остаётся способность к обновлению — это был прескрипт. Если остаётся только страх — это был суррогат.

Если отрезать прошлое — останется ли идентичность? Архаика как основание рушится, когда прошлое перестаёт быть источником легитимности. Если после отказа от прошлого остаётся способность формулировать будущее — это был прескрипт. Если остаётся только растерянность — это был суррогат.

Критерий устойчивости — это тест на независимость. Подлинный смысл не зависит от внешних обстоятельств. Он сохраняется при смене врагов, при потере комфорта, при наступлении перемен, при переосмыслении прошлого. Суррогат же всегда условен. Он работает до тех пор, пока работают его условия. Как только условия меняются, суррогат перестаёт работать — и обнаруживается вакуум, который он скрывал.

Диагностика суррогатов

Помимо критерия устойчивости, существуют более операциональные методы диагностики. Они позволяют выявить суррогат до того, как он будет проверен внешним шоком.

Первый признак суррогата — отсутствие операциональности. Суррогат не переводится в критерии для оценки решений. Он остаётся лозунгом, который можно произнести, но нельзя применить. «Мы — великая страна» — это лозунг. Из него нельзя вывести критерии: какое конкретное решение приближает к

«величию», а какое отдаляет? Суррогат не проверяем. Прескрипт всегда операционален: из него выводятся критерии.

Второй признак — зависимость от отрицания. Суррогат определяет себя через то, чем он не является. «Мы — не они». Идентичность строится на исключении, а не на содержании. Национализм, определяющий нацию через противостояние другим народам, — это суррогат. Он не отвечает на вопрос «кто мы?» — он отвечает на вопрос «кто не мы?». Подлинный прескрипт даёт положительное определение.

Третий признак — ритуализация. Суррогат воспроизводится как ритуал, а не как основание. Формулы произносятся, но не влияют на решения. Они существуют в публичном пространстве, но отсутствуют в принятии решений. Стратегии, которые пишутся, утверждаются и кладутся на полку, — это суррогат. Они существуют как документ, но не направляют действие. Подлинный прескрипт присутствует в каждом значимом решении.

Четвёртый признак — неспособность к обновлению. Суррогат не допускает пересмотра. Он либо застывает в неизменной форме, либо отбрасывается целиком при смене обстоятельств. У него нет механизма обновления. Идеология, которая требует ортодоксии, — это суррогат. Она не может быть пересмотрена без разрушения самой себя. Подлинный прескрипт различает ядро и интерпретации: ядро сохраняется, интерпретации обновляются.

Пятый признак — подмена показателями. Суррогат измеряется тем, что измеримо, а не тем, что важно. Показатели подменяют смысл. Государство оценивает себя по ВВП, уровню безработицы, рейтингам. Показатели могут быть безупречны, но они не отвечают на вопрос «ради чего?». Суррогат подменяет телеологию метрикой. Прескрипт использует показатели как инструменты, а не как цели.

Эти признаки позволяют диагностировать суррогат до того, как он будет проверен внешним шоком. Если формула обладает хотя бы одним из этих признаков — она, скорее всего, является суррогатом.

Отличие смысла от его заместителей

Различие между подлинным прескриптом и суррогатом можно сформулировать через ряд противопоставлений.

Прескрипт имеет внутреннее основание; суррогат — внешнее. Прескрипт извлекается из собственного опыта; суррогат заимствуется или навязывается. Прескрипт самодостаточен; суррогат зависит от условий. Прескрипт даёт критерии для проверки решений; суррогат остаётся лозунгом. Прескрипт допускает пересмотр и обновление; суррогат либо застывает, либо разрушается. Прескрипт создаёт траекторию; суррогат даёт лишь иллюзию движения. Прескрипт сохраняется при внешних шоках; суррогат рушится при первом серьёзном испытании.

Эти различия не являются абсолютными. В реальности прескрипт и суррогат могут сосуществовать, смешиваться, переходить друг в друга. Прескрипт может выродиться в суррогат — это процесс ритуализации. Суррогат может стать прескриптом — если общество начинает жить из него, если он обретает операциональность и устойчивость. Но критерии позволяют диагностировать состояние. Если формула не операциональна, если она зависит от внешнего, если она не обновляется — это суррогат. Если формула даёт критерии, если она самодостаточна, если она допускает пересмотр — это прескрипт.

Тест на подлинность — это не разовая процедура. Это постоянная практика. Субъект должен регулярно проверять свои основания: является ли то, что я считаю смыслом, подлинным прескриптом или суррогатом? Сохраняется ли моя идентичность при смене обстоятельств? Даёт ли моя формула критерии для решений? Допускает ли она обновление?

Без такого теста смысл неизбежно вырождается в суррогат.

Тест на подлинность завершает первую часть книги. Диагноз поставлен: прескриптивный вакуум, суррогаты, критерии отличия. Следующая часть переходит к основанию — прескрипту как операциональной категории смысла.

ЧАСТЬ II. ОСНОВАНИЕ: ПРЕСКРИПТ КАК ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Диагноз установлен. Прескриптивный вакуум диагностирован. Суррогаты идентифицированы. Теперь необходимо перейти от диагноза к основанию — к тому, что может заполнить вакуум подлинно, а не суррогатно.

Этим основанием является прескрипт.

Прескрипт не является ни идеологией, ни философской концепцией, ни политической программой. Это операциональная категория — инструмент,

который позволяет перевести смысл из состояния созерцания в состояние действия. Прескрипт можно сформулировать, проверить, защитить и передать.

Вторая часть книги посвящена определению прескрипта, его структуре и конститутивным свойствам.

Глава 5. Определение прескрипта

— Этимология и концептуальные границы

Термин «прескрипт» восходит к латинскому *praescriptum* — «предписание», «то, что записано прежде». В римском праве этим словом обозначалась норма, предшествующая другим нормам и задающая их смысловую рамку. Прескрипт — это то, что написано до всего остального, что служит основанием для всего последующего.

Это этимологическое значение точно передаёт суть понятия. Прескрипт предшествует целям, стратегиям, программам, решениям. Он не является одной из них — он является их основанием. Цели формулируются в рамках прескрипта. Стратегии разрабатываются для реализации прескрипта. Решения проверяются на соответствие прескрипту.

Концептуальные границы прескрипта определяются его местом в иерархии смысловых единиц. Прескрипт находится между предельной абстракцией (ценность) и конкретной операционализацией (цель). Ценность говорит: «свобода важна». Прескрипт говорит: «мы существуем ради того, чтобы расширять пространство свободы». Цель говорит: «принять закон о свободе собраний». Прескрипт задаёт направление, в котором ставятся и достигаются цели.

Прескрипт не является описанием реальности. Он является предписанием направления. Он не говорит, что есть, — он говорит, ради чего стоит действовать. Это не знание о мире, а знание о смысле.

Отличие от ценности, цели, идеологии, конституции

Прескрипт часто смешивают с близкими понятиями. Различение необходимо для понимания его уникальной природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.